

УДК 303.01:165.4

КОНЦЕПТ КАК ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ: О ПОТЕНЦИАЛЕ КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

О. Ю. Бойцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена рассмотрению преимуществ использования политической наукой концепта как инструмента, альтернативного понятию. Показано, что специфика политического познания не позволяет опираться на логическое понятие. Рассмотрены проблемы, связанные с попыткой придать понятийную строгость языковым средствам, с помощью которых фиксируются и передаются результаты политического познания. Утверждается, что и слова естественных языков, и конвенциональные лексемы с необходимостью сохраняют многозначность и контекстуальность. Кроме того, формализация политического языка влечет за собой снижение применимости полученных когнитивных конструкций к анализу конкретных политических ситуаций. В качестве альтернативного инструмента политической науки автор предлагает использовать концепт. В статье проанализированы свойства концепта, отличающие его как от логического понятия, так и от слов естественного языка и определяющие его эвристический потенциал. Концепт фиксирует коммуникативную сторону познания, при этом его содержание носит кумулятивный характер, в нем представлены различные в хронологическом и социально-культурном отношении смысловые пласты. Это позволяет, с одной стороны, вписывать различные теоретические конструкции в общий дискурс политической науки, а с другой — учитывать контекстные характеристики политического языка. Концептологический подход дает возможность легитимировать полипарадигмальность политической науки, проследить актуальные и потенциальные векторы тематизации важнейших проблем, добиваться большей строгости и четкости в анализе, учитывая исторические, культурные, ценностные и иные контекстно-коммуникативные факторы. В статье описаны основные исследовательские стратегии, задаваемые эмпирическими и аналитическими подходами к изучению политической концептосферы в рамках политической науки.

Ключевые слова: концепт, политика, политическое познание, политическая наука, язык политики, политические концепты, политическая концептосфера, концептология.

Является ли политология «настоящей» наукой? Как добиться подлинной научной строгости ее методов и выводов и достичь прогностической точности рекомендаций? Можно ли — и если да, то как — распознать ложные высказывания и отделить их от истинных? На протяжении последнего столетия эти вопросы находятся в центре ожесточенных споров. Точно так же, как и вопросы

о том, что такое наука вообще, в чем ее предназначение, каковы цели, задачи и возможности, чем производимое ею знание отличается от ненаучного и донаучного. В последние годы поводов для поддержания этой дискуссии было немало — достаточно вспомнить, скажем, признание теологии ваковской дисциплиной или упоминание в учебниках такой субдисциплины, как политическая астрология (см.: Соловьев, Пугачев, 2005, с. 33).

Если вынести за скобки значительную часть пунктов, по которым разногласия не преодолены, то в качестве отправной точки рассуждений можно принять следующее. Наука производит знание о предмете. Как известно, любое знание принципиально отличается от мнения в претензии на легитимность, признанность в рамках определенной социальной общности. При этом легитимация напрямую зависит от эвристических и прогностических свойств: от способности четко фиксировать и адекватно передавать информацию, от того, насколько данная информация структурирована, определенным образом обоснована и подтверждена, а в случае применения на практике позволяет получить предсказуемые результаты. Но знание производят и другие способы постижения мира. Специфика науки заключается в том, что она претендует на общезначимость. Эта претензия обосновывается тем, что знание, полученное научными методами, фиксирует существенные свойства изучаемого объекта, достоверно информирует о его внутренних и внешних связях, о принципах и закономерностях его функционирования.

Обладает ли политическая наука эвристическим инструментарием, позволяющим оправдать подобные притязания?

Главным инструментом научного познания является понятие. Оно создается в процессе абстрагирования, когда рациональное мышление выделяет и закрепляет значимые признаки и мысленно объединяет их в устойчивые сочетания. Понятие имеет жестко закрепленное значение и употребляется в едином, универсальном смысле. Именно это позволяет добиться однозначности в фиксации предмета мысли, достичь единства в интерпретации результатов познания и представить их в дедуктивно-системном виде. С того времени как позитивизм озвучил программу сциентизации познания, задача выработки понятийной строгости считалась необходимым условием научности. Отсутствие подобной универсальности у инструментов социального, в том числе политического познания воспринималось как признак недостаточной развитости, как свидетельство несоответствия этих дисциплин критериям научности. Однако на протяжении XX столетия набирало силу, а к последней его трети окончательно упрочилось представление о том, что в политическом познании невозможно достичь точности и абсолютной универсальности понятий в том смысле, в каком эту задачу формулировал классический позитивизм.

Препятствий на пути программы сциентизации несколько. Главные из них — принципиальная ангажированность контекста, в котором создается и существует политическое знание, и неустранимая полисемантическая политического языка. Политическое знание и его язык возникают и видоизменяются в непосредственной связи с осознанием и защитой социальных интересов. Язык, на котором фиксируется и передается знание о политике, одновременно является

важнейшим фактором реальной политики. Он используется для формирования, обсуждения и легитимации политической повестки, служит индикатором политической принадлежности и средством политической идентификации, не говоря уже о такой функции, как активное воздействие на оппонентов и сторонников, превращающее язык в орудие политической борьбы.

В условиях принципиальной зависимости инструментов политического познания от контекста невозможно добиться от них логической строгости. Поэтому слова, используемые в качестве политических понятий, в строгом смысле понятиями не являются, потому что не только «не допускают... терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколь-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значений слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами» (Ильин, 1997, с. 22).

Это справедливо как в отношении слов естественных языков, используемых для обозначения политических реалий, так и для искусственно созданных лексем, специально предназначенных играть роль понятий. Первые очень часто связаны не только с политикой, но и с другими жизненными практиками. По самой природе они многозначны. В силу присущей им полисемантической они могут вступать и постоянно вступают в разнообразные синонимические связи, как устойчивые, так и мимолетные, с другими словами, впитывая «чужие» смыслы и транслируя свои. В результате оказывается, что «у политических понятий нет строго определенного и постоянного пространственно-временного и социального смысла» (Макаренко, 2007, с. 27), что в каждом из них накапливается множество различных смыслов и их оттенков, а также различные варианты толкования этих смыслов и попыток их комбинирования. В процессе коммуникации значения слов политического языка могут сливаться, пересекаться, конфликтовать. Собственно, это и задает пространство политического дискурса, в котором не только постоянно воспроизводится понятийная нестрогость, но и поддерживается вариативность языкового выражения одного и того же смысла. Например, по меткому замечанию ученых, специализирующихся в области истории политических языков, «как только “свобода” попадает в пространство политической полемики, она оказывается помещена в принципиально разные языковые контексты и может обретать прямо противоположный смысл. Общность используемого понятия стимулирует полемический характер каждого из употреблений» (Атнашев, Велижев, 2018, с. 114).

Что же касается конвенциональных лексем, призванных приблизиться к требуемой понятийной строгости, то их миссия подрывается полипарадигмальностью политического знания. Не только для политической философии, но и для прикладной политической науки характерна вариативность теоретической интерпретации данных. Оппонирующие друг другу теоретические конструкции препятствуют выработке и единой общезначимой терминологии, и строгих в логическом отношении понятий. Как и в случае терминологизации слов есте-

ственного языка (хотя, быть может, в меньшей степени), сосуществование конкурирующих парадигм ведет к аккумуляции или диверсификации смыслов базовых лексем, на которые они опираются. В результате задача универсализации понятий оказывается нерешенной.

Все эти сложности с реализацией позитивистского сценария сциентизации политического знания имеют глубинное основание. Проблему представляет сама задача формализации живой речи. С одной стороны, сложно устранить полисемантизм — над этим уже практически столетие бьется аналитическая философия. С другой стороны, встает вопрос о том, насколько результаты формализации полезны для постижения жизненного мира человека. В наиболее общем виде эту трудность можно передать тезисом Г. Риккерта: чем выше уровень научной абстракции, тем меньше наука связана с действительностью (Риккерт, 1998, с. 59–72). Имеется в виду то, что при максимальной формализации утрачиваются многие смыслы, значимые для конкретного контекста, а это резко снижает эвристическую значимость общих понятий.

Для политического языка — т.е. языка и политического познания, и политики — это в высшей степени важно, поскольку он относится к числу наиболее многослойных и подвижных лингвообразований. В нем смешаны самые разнообразнейшие языковые средства: научные термины и просторечные выражения, литературные метафоры и идиомы бытового языка, жаргонизмы и профессионализмы. Их состав и частотность употребления ситуативны¹. Это влечет за собой встраивание новых семантических блоков в традиционные инструменты политического познания и перемещение на задний план «устаревших» смысловых пластов. Подобные трансформации происходят непрерывно.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что специфика политического познания не позволяет опираться на логическое понятие. Нужен другой инструмент. И таким инструментом может служить концепт.

В современной политической науке «понятие» и «концепт» часто употребляются как синонимы. Исторически так и было: еще на рубеже XIII–XIV вв. Уильям Оккам и его последователи, которых принято относить к школе концептуализма, латинским *conceptus* обозначали именно понятия — универсалии, возникающие благодаря абстрагирующей и систематизирующей деятельности мышления и продолжающие существовать в уме как некие образцы, с которыми в процессе познания соотносятся данные опыта. Разделение и даже противопоставление концепта и понятия произошло благодаря позитивизму, особенно логическому, и закрепилось лишь в XX столетии в результате так называемого коммуникативно-лингвистического поворота. Этот поворот был связан с переосмыслением природы научного знания и способов его репрезентации. По сути, он сводился к отказу от разделения и противопоставления познающего

---

¹ Например, в политической полемике в какой-то момент могут доминировать обороты речи экономического характера (*польза, взаимовыгодный, вклад, транзакция*), а потом они вдруг резко теряют популярность, уступая место психологическим (*самоутверждение, фобия, мотивация, эйфория*), геометрическим (*плоскость, радиус, сфера, треугольник*) или технико-технологическим (*проект, генерирование, рычаг, ось, деформация*) языковым конструкциям.

субъекта и познаваемого объекта в пользу трактовки познания как акта коммуникации, возникающего только при наличии смыслового взаимопонимания. Поэтому в фокусе внимания оказались такие эпистемологические инструменты, как сценарий, фрейм и концепт.

Концепт фиксирует и акцентирует коммуникативную сторону познания: «Если кратко и предварительно описать, чем же является концепт, то надо прежде всего отметить, что это — порождающая модель языка, формирующаяся в речи и живущая в дискурсе речевого сообщества, выполняющая функции овеществленного образца, кванта смысла и фундаментальной единицы вербального и невербального поведения» (Неретина, Огурцов, 2011, с. 7). Конечно, это не единственное определение концепта, их предложено довольно много. Но, несмотря на различие позиций, сегодня можно утверждать, что отечественная и зарубежная наука опираются на весомую традицию исследований и сторонники концептологического подхода близки к консенсусу по его базовым методологическим принципам и теоретическим основаниям.

Одним из пунктов согласия выступает тезис о том, что концепт имеет сходные черты и с понятием, и со словом естественного языка, но в то же время отличен и от того, и от другого. В отличие от логического понятия, концепт фиксирует не жестко определенную совокупность признаков, а набор смыслов, соотносимых с предметом мысли: «Понятие “определяется”, концепт же “переживается”». Он включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» (Степанов, 2007, с. 20). Например, геометрические понятия *параллелепипед*, *плоскость*, *гипотенуза* и др. повсюду — на всех континентах, для всех ученых, независимо от их пола, возраста, партийных предпочтений и вероисповедания, — означают одно и то же, а о *власти*, *государстве*, *народе*, *свободе* этого сказать нельзя. Содержание последних серьезно разнится от страны к стране, от эпохи к эпохе и существенно зависит от ценностного и идейного контекста. Концепт «многомерен и исполнен смысловой напряженности, поскольку является выражением ценностных ориентаций и предпочтений участников коммуникативных актов, нагружен их интерпретациями. В этом его принципиальное отличие от понятия, логическое значение которого всегда всеобщее, не зависит от естественного языка и однозначно выражает логические отношения в идее, в идеальном бытии» (Неретина, Огурцов, 2011, с. 199).

Смысловая многослойность и вариативность, нечетко фиксированное значение, зависимость от контекста коммуникации — все это роднит концепт со словом естественного языка. Но, в отличие от этих слов, концепт, как и понятие, функционирует в рамках теоретического познания и является результатом рациональной «инвентаризации» смыслов, выстраивания их иерархических отношений. Правда, иерархия смыслов в концепте не универсальна, она зависит от того, какие именно семантические пласты акцентируются в конкретном теоретическом построении. Акценты эти определяются позицией — ценностной, мировоззренческой, политической, научной и др. — субъекта концептуализации, тем, каким авторитетам он доверяет и на какие традиции опирается. При этом — что также является общим у концепта и слова естественного языка — ни

один из вариантов не может претендовать на эксклюзивный статус, на роль исчерпывающей и единственно легитимной репрезентации смыслового содержания данной лексемы (Рикер, 2008; MacIntyre, 1973; Grey, 1977; Clark, 1979; Language and Politics, 2004; Colier, Hidalgo, Maciuceanu, 2006).

В то же время концепция как теоретическое построение при всей своей контекстности и открытости для интерпретаций обладает эвристической строгостью. Она фиксирует существенные характеристики и закономерности объектов в четко выбранном ракурсе. В ней концепты взаимосвязаны и структурно упорядочены. Внутри данной конструкции концепт может функционировать как понятие — если в ее пределах с ним связывается жестко фиксированное содержание. Однако «понятийность» концепта и в данном случае относительна. Смыслы, включенные в общее семантическое поле концепта, но не задействованные в данном конкретном случае, не исчезают. Они сохраняются, хотя и могут в рамках определенной концепции игнорироваться или отодвигаться на задний план. В общем научном дискурсе они способны выступать в качестве основы критики данной концепции и поддерживать фоновый контекст, стимулирующий пересмотр предлагаемой ею трактовки базовых концептов.

Востребованность концептуального подхода растет уже более столетия. Помимо общей интеллектуальной традиции, восходящей к семиотике, аналитической философии, структурализму в целом и структурной лингвистике в частности, решающую роль в его развитии сыграли тематизация социального измерения в производстве знания в рамках философии науки, теория коммуникативного действия, а также анализ роли языка в политике и процессов политической символизации.

Принято считать, что классические исследовательские траектории в изучении концептов заданы тремя направлениями. Один путь идет от германской школы *Begriffsgeschichte* Р. Козеллека, О. Бруннера и В. Конце (Козеллек, 2006; Козеллек, 2014) к исследованию концептосферы. Второй — от кембриджской школы *History of Concepts*, основателями которой были К. Скиннер, Дж. Данн, П. Ласлетт и Дж. Покок (Meaning and Context..., 1988; Richter, 1995; Скиннер, 2005; Росок, 2009; Покок, 2015; Скиннер, 2018) к контекстному анализу политико-языковых практик. Третий — от «археологии знания» М. Фуко (Фуко, 1994; Фуко, 2004) к изучению политического дискурса.

Поскольку суть концепта «заключается в традиции представлений, получившей общественное признание во время их высказывания или позже» (Макаренко, 2007, с. 11), задача его исследования тесно связана с изучением традиции становления семантического поля, траектории его расширения и дифференциации, а также с концептографией исторических и актуальных политических языков, выявлением их контекстных и инвариантных характеристик. Изучение совокупности языковых образований, работающих в политике, опирается на традиции истории понятий. Она, по словам Б. Рассела, «имеет двойственную цель: объяснить развитие концептов и понять сами концепты. Этот метод предполагает реальность и важность самих по себе концептов, поскольку не события беспокоят умы людей, но суждения об этих событиях» (цит. по: Макаренко, 2007, с. 10). Соответственно, с одной стороны, анализ концептов предполагает

выявление их структуры, определение специфики, сравнение, позволяющее зафиксировать общие и отличительные черты, и построение на этой основе классификаций². С другой стороны, такой анализ направлен на политическую концептосферу в целом, в которой устанавливаются взаимосвязи между концептами, выделяются различные упорядоченные совокупности (концепт-группы, концептополя, конфигурации), прослеживаются линии перемещения концептов между различными концептосистемами (см.: Приходько, 2013).

Одно из наиболее востребованных направлений — описание и анализ концептов, используемых в разнообразных типах политической речи, таких как выступления политиков, воззвания на митингах, пропагандистские материалы, информационные сообщения и т. д. «Слова и власть, — отмечал классик политической науки Г. Лассуэлл³, — тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание — выполнение приказа, предложение — одобрение и т. п.)» (Лассвелл, 2006, с. 278). Неудивительно, что эта тематика составляет один из важнейших сегментов предметного поля политической лингвистики. В ее рамках проводится целый спектр исследований, начиная с анализа фразеологии конкретных политических текстов и заканчивая широкомасштабными проектами по созданию словарей политического языка и антологий политических концептов.

Однако к настоящему времени в области изучения концептов отечественная наука в целом достигла значительных результатов не только в филологических дисциплинах (лингвоконцептологии, концептографии и т. д.), но и в политических исследованиях. Сегодня можно говорить о нескольких направлениях, которые пользуются научным авторитетом и опираются на собственную устойчивую традицию. Политическая концептология как самостоятельная дисциплина институционализована в Южном федеральном университете, где с 1990-х гг. существует школа аналитической политической концептологии и издается специализированный журнал «Политическая концептология». Исследования этой школы сконцентрированы на выработке методологии концептивизма и способов концептуального анализа политической проблематики (Макаренко, 2007; Макаренко, 2013). Значительное число публикаций посвящено политико-философскому изучению важнейших концептов политического языка (Ильин, 1997;

---

² Так, М. В. Пименова относит к политической концептуальной системе языковые образования, представляющие сферу политики, среди которых выделяет 17 концепт-групп, в частности: совокупность концептов, фиксирующих политические реалии (*политика, власть, реформа*), политические взаимоотношения (*избиратель, оппозиция*); деятелей политического управления (*князь, министр, воевода, губернатор*). Она также проводит классификацию политических концептов по разным основаниям, например разделяя их по признаку появления — на исконные и заимствованные (*богатырь — президент*); по признаку сохранения базовой структуры — на постоянные и трансформированные (*правитель — придворный этикет*); по актуальности — на ведущие и второстепенные (*мир — чиновник*) и т. д. (Пименова, 2010).

³ В отечественной научной литературе не сложилась устойчивой традиции передачи фамилии этого известного американского политолога (*Lasswell*) на русском языке. В тексте статьи используется вариант, принятый в современных энциклопедических изданиях, — Лассуэлл. Однако в ряде опубликованных переводов его трудов фамилия автора указана как Ласвелл, Лассвэлл и Лассвелл.

Ледяев, 2001; Неретина, Огурцов, 2011; Хархордин, 2011; Гуторов, 2014; Бойцова, 2018). Значимой для развития политической концептографии является серия «Азбука понятий», издаваемая Европейским университетом в Санкт-Петербурге. В более широком проблемном поле возникновение, трансформация и функционирование концептов изучаются в рамках анализа политического дискурса и смысловой организации политики (Неретина, 2001; Герасимов, Ильин, 2002; Хархордин, 2012; Малинова, 2013; Ильин, 2015; Ледяев, 2015; Фомин, 2015; Ильин, Фомин, 2016). В последние годы приобрела вес и продолжает активно наращивать научный потенциал политическая текстология, развивающаяся на факультете политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Ширинянц, 2016; Перевезенцев, 2017; SCHOLA-2017..., 2017; Акулова и др., 2017).

Традиционно поддерживают проблематику и часто публикуют материалы по данным темам научные журналы более общей ориентации — «Полис», «Логос», «Новое литературное обозрение». Примечательно, что история политических языков стала основной темой последнего номера журнала «Философия» (2018. № 3) — нового издания, учрежденного Высшей школой экономики. Приводя солидный список источников, посвященных анализу политического языка и его функционирования в политике, выпускающие редакторы номера констатируют, что «сделанное в данной области позволяет адекватно описать основные понятийные регистры, доступные политикам в России начиная с древнего периода ее истории и заканчивая современностью» (Атнашев, Велижев, 2018, с. 108). Об этом же свидетельствуют данные одного из последних зарубежных исследований, посвященных анализу состояния и степени развития российской политологии как составной части мировой науки о политике (Political Science..., 2018). По сравнению с обзором пятнадцатилетней давности (Чудинов, 2003) заметно, что концептологическая тематика не только вышла за границы филологических дисциплин, где она традиционно разрабатывалась (Лихачев, 1997; Аскольдов, 1997; Арутюнова, 1999; Шейгал, 2004; Степанов, 2007; Пименова, Кондратьева, 2011), и прочно укоренилась в политологическом предметном поле, но и обогатилась разработками политико-философского характера.

Многочисленные исследования доказали, что концептологический подход обладает значительным эвристическим потенциалом. Причем неуниверсальность и неоднозначность концепта ни в коей мере не умаляют научного достоинства использующей его дисциплины. Напротив, такой подход позволяет решить многие задачи: легитимировать полипарадигмальность; фиксировать и проследивать актуальные и потенциальные векторы тематизации важнейших проблем; добиваться большей строгости и четкости в анализе, учитывая исторические, культурные, ценностные и иные контекстно-коммуникативные факторы, и др.

Прежде всего это относится к таким сферам политического познания, как политическая философия и история политических учений, в которых господствует принцип неотчуждаемости полученных знаний. В отличие от точных дисциплин, которые располагают особыми инструментами выбора между конкурирующими вариантами и потому способны без сожаления избавляться от всего не соответствующего их жестким требованиям, они, подобно гоголевско-

му Плюшкину, не избавляются ни от чего. При этом идеи, аргументы, модели обоснований, теоретические конструкты не просто «хранятся на складе». Они находятся в непрерывном взаимодействии, постоянно создавая, как в калейдоскопе, различные причудливые сочетания. И вариант трактовки, некогда отвергнутый и десятки, а то и сотни лет находившийся в полузабвении, в любой момент может оказаться востребованным и войти в новую констелляцию идей или концептуальный каркас перспективной теоретической системы. Использование концепта как эвристического инструмента как раз и позволяет детально разбираться в хитросплетениях напластований смыслов, проследить актуальные и потенциальные векторы их концептуализации, не говоря уже о четко выраженном прикладном потенциале, например о возможностях оптимизации использования когнитивных приемов и языковых практик в реальной политике (Dallmayr, 1984; Meaning and Context..., 1988; Language and Politics, 2004; Хархордин, 2011; Малинова, 2013).

Таким образом, признание концепта базовым инструментом политического познания влечет за собой необходимость его изучения, что задает ряд важных исследовательских стратегий:

- 1) описание и анализ концептов, работающих в политике. Здесь можно выделить два вектора. *Первый* связан с эмпирическим изучением концептов: этимологическая оптика исследует общее семантическое поле концепта, опираясь на фиксацию его смысловых нюансов в языке; историческая описывает практику употребления концепта и историю его интерпретации, хронологически упорядочивая пласты его семантического поля; генетическая выявляет зависимость смыслового наполнения концепта от специфики культурного контекста. *Второй* (его можно назвать аналитическим) объединяет демаркационную оптику, нацеленную на выявление специфики концепта путем его содержательного разграничения с другими, и оптику логико-конструктивную, которая стремится вычлнить ядро семантического поля и путем его формализации максимально приблизить концепт к понятию;
- 2) исследование концептосферы, выявление и описание политических концептов в их взаимосвязи и взаимозависимости;
- 3) изучение контекстной и динамической вариативности концептов. С помощью данной оптики можно зафиксировать перемещения и комбинирования концептов в истории мысли, обнаружить взаимосвязи или провести более точное различение теоретических конструкций (например, классифицировать теории по тому смысловому пласту, который они акцентируют в одном и том же концепте), проследить исторические векторы осмысления политических явлений, определить контекстную специфику построения концепций, а также причины, условия и последствия межкультурных трансферов концептов;
- 4) установление связей между концептами и реальной политикой, высвечивание механизмов влияния политического языка на политические действия и решения индивидов и масс.

Конечно, разделить эти стратегии можно только аналитически, ведь в каждом конкретном случае их траектории переплетаются, пересекаются, сливаются и дополняют друг друга, взаимообогащаясь и формируя новые точки роста. И все же подобное разделение представляется весьма полезным — в первую очередь для более четкого определения решаемых задач и более точного подбора релевантных инструментов. Вдобавок оно будет способствовать выработке целостного представления о том, в каких именно сегментах предметного поля пересекаются задачи политического исследования и интересы других научных дисциплин (структурной лингвистики, коммуникативистики, дискурс-анализа, сетевой теории и др.). А консолидация и координация усилий различных подходов в деле изучения политической концептосферы, безусловно, позволят расширить и углубить познавательные возможности политической науки.

Литература

Акулова А. А., Артамонова Ю. Д., Беглова Е. И., Бойцова О. Ю., Герасименко Н. А., Гуторов В. А., Леденёва В. В., Лошаков А. Г., Папуша И. С., Симашко Т. В., Халикова Н. В., Шаповалова Т. Е., Швецова В. М., Ширинянц А. А. Текст остается текстом? (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2017. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/806> (дата обращения: 11.10.2018).

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999. 913 с.

Атнашев Т. М., Велижев М. Б. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия: журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II, № 3. С. 107–137.

Бойцова О. Ю. «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2018. № 1. С. 55–62.

Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. № 3. С. 68–75.

Гуторов В. А. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. № 3. С. 91–110.

Ильин М. В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи. 2015. № 1–2. С. 43–47.

Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.

Ильин М. В., Фомин И. В. И смысл, и мера. Семиотика в пространстве современной науки // Политическая наука. 2016. № 3. С. 30–46.

Козеллек Р. Введение (*Einleitung*) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 23–44.

Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 33–53.

Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 264–279.

Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.

Ледяев В. Г. Концептуальный метод изучения политики // Мировая культура в русском тезаурусе. I Академические чтения памяти В. А. Лукова: сб. научн. трудов. М.: Московский гуманитарный университет, 2015. С. 267–271.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

Макаренко В. П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3, № 4. С. 5–44.

Макаренко В. П. Дискуссионные проблемы политической концептологии // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 6–21.

Малинова О. Ю. Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 2013. 421 с.

Неретина С. С. Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 306–307.

Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепты политической культуры. М.: ИФРАН, 2011. 279 с.

Перевезенцев С. В. Изобретение истории // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 207–221.

Пименова М. В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 47–55.

Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: Флинта; Наука, 2011. 176 с.

Покок Дж. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Новое литературное обозрение. 2015. № 4. С. 75–92.

Приходько А. Н. Концепты и концептосистемы. Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. 307 с.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М.: Дело, 2018. Т. 1. Эпоха Ренессанса. 464 с.; Т. 2. Эпоха Реформации. 568 с.

Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3. С. 143–152.

Соловьев А. И., Пугачев В. П. Введение в политологию: учебник для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005. 477 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007. 248 с.

Фомин И. В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука. 2015. № 2. С. 8–25.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.

Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.

Хархордин О. В. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 7–23.

Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: Этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 17–29.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Ширинянец А. А. Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 92–96.

SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского ун-та, 2017. 560 с.

Clark B. Essentially Contested Concepts // British Journal of Political Science. 1979. Vol. 9, no. 1. P. 122–126.

Collier D., Hidalgo F. D., Maciuceanu A. O. Essentially Contested Concepts: Debates and Applications // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11, no. 3. P. 211–246.

Dallmayr F. R. Language and Politics: Why does Language Matter in Political Philosophy? Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1984. 243 p.

Grey J. On Essential Contestability of Some Social and Political Concepts // *Political Theory*. 1977. Vol. 5, no. 3. P. 331–348.

Language and Politics / eds N. Chomsky, C. Otero. Edinburgh; Oakland; Baltimore: AK Press, 2004. 850 p.

MacIntyre A. The Essential Contestability of Some Social Concepts // *Ethics*. 1973. Vol. 84, no. 1. P. 1–9.

Meaning and Context. Quentin Skinner and his critics / ed. by J. Tully. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1988. 353 p.

Россок J. G. A. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 298 p.

Political Science, Politische Wissenschaft and Politologija in Comparative Perspective / ed. by J. Wiśniewski. Poznań; Moscow: Publishing House of the Faculty of Political Science and Journalism at Adam Mickiewicz University; Publishing House of Moscow University, 2018. 170 p.

Richter M. *The History of Political and Social Concepts: a Critical Introduction*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. 204 p.

Бойцова Ольга Юрьевна — д-р полит. наук, проф.; olga.boitsova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 9 октября 2018 г.;

рекомендована в печать: 1 ноября 2018 г.

Для цитирования: Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2018. Т. 14, № 3. С. 346–360. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.301>

LANGUAGE CONCEPT AS A HEURISTIC TOOL: ON THE RESEARCH POTENTIAL OF CONCEPT-CENTRED APPROACH IN POLITICAL COGNITION

Olga Yu. Boytsova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; olga.boitsova@gmail.com

The article considers the advantages that political science gets by using the language concept instead of the logical concept. It is shown that the specificity of political knowledge does not allow using a logical concept as a strict heuristic tool. Author analyses seriously obstructions occurring when lexemes by which political knowledge is fixated and transmitted try to reach a conceptual accuracy. It is argued that both the words of natural languages and conventional lexemes necessarily retain ambiguity and contextuality. Withal, the formalization of the political language leads to reducing the applicability of resulting cognitive constructs to the analysis of precise political circumstances. The author suggests using the concept as an alternative tool of political science. The article lays down the peculiarities of the language concept that distinguish it from both the logical concept and the words of the natural language, and determine its heuristic potential. The concept reflects the communicative side of knowledge, while its content is cumulative; it includes many semantic layers which differ in chronological and socio-cultural terms. This allows, on the one hand, to put various theoretical constructions into the integral discourse of political science, and on the other, to take into account the contextual characteristics of the political language. The concept-centred approach helps to legitimize the multi-paradigm character of political science, to trace the actual and potential vectors of theming the most important problems, to achieve greater con-guests and clarity in the analysis, taking into account the historical, cultural, value and other context-communicative factors. The main research strategies for studying the political conceptosphere set by empirical and analytical approaches to the study of the political conceptosphere within the framework of political science are described.

Keywords: language concept, politics, political knowledge, political science, language of politics, political concepts, political conceptosphere, conceptology.

References

- Akulova A. A., Artamonova Yu. D., Beglova E. I., Boytsova O. Yu., Gerasimenko N. A., Gutorov V. A., Ledeneva V. V., Loshakov A. G., Papusha I. S., Simashko T. V., Khalikova N. V., Shapovalova T. E., Shvetsova V. M., Shirinyants A. A. *Tekst ostaetsia tekstom? (kruglyi stol)* [Does text remain the text? (Round table discussion)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: elektronnyi zhurnal* [Bulletin of the Moscow State Regional University: Online Journal], 2017, no. 2. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/806> (accessed: 11.10.2018). (In Russian)
- Arutyunova N. D. *lazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, lazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1999. 913 p. (In Russian)
- Askoldov S. A. *Kontsept i slovo* [Concept and Word]. *Russkaia slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text: Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 267–279. (In Russian)
- Atnashev T. M., Velizhev M. B. *Istoriia politicheskikh iazykov v Rossii: k metodologii issledovatel'skoi programmy* [History of Political Languages in Russia: To the Methodology of Exploration Program]. *Filosofia: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy: Journal of High School of Economics], 2018, vol. II, no. 3, pp. 107–137. (In Russian)
- Boytsova O. Yu. «Vlast'» kak kontsept: fiksatsiia smyslov v iazyke i ikh interpretatsiia v sovremennoi politicheskoi filosofii [«Power» as a Concept: Fixing the Meanings in the Language and their Interpretation in Modern Political Philosophy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], 2018, no. 1, pp. 55–62. (In Russian)
- Chudinov A. P. *Rossiiskaia politicheskaiia lingvistika: Etapy stanovleniia i vedushchie napravleniia* [Russian Political Linguistics: Formation Stages and Basic Tendencies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2003, no. 1, pp. 17–29. (In Russian)
- Clark B. *Essentially Contested Concepts*. *British Journal of Political Science*. 1979, vol. 9, no. 1, pp. 122–126.
- Colier D., Hidalgo F. D., Maciuceanu A. O. *Essentially Contested Concepts: Debates and Applications*. *Journal of Political Ideologies*. 2006, vol. 11, no. 3, pp. 211–246.
- Dallmayr F. R. *Language and Politics: Why does Language Matter in Political Philosophy?* Notre Dame; London, University of Notre Dame Press, 1984. 243 p.
- Fomin I. V. *Politicheskie issledovaniia v transdistsiplinarnoi perspektive: vozmozhnosti semioticheskogo instrumentariia* [Transdisciplinary Perspectives in Political Studies: The Potential of Semiotics]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science]. 2015, no. 2, pp. 8–25. (In Russian)
- Foucault M. *Arkheologiya znaniia* [Archaeology of Knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaia akademiia; Universitetskaia kniga Publ., 2004. 416 p. (In Russian)
- Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of Humanities]. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 408 p. (In Russian)
- Gerasimov V. I., Ilyin M. V. *Politicheskii diskurs-analiz* [Political Discourse Analysis]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science]. 2002, no. 3, pp. 68–75. (In Russian)
- Grey J. *On Essential Contestability of Some Social and Political Concepts*. *Political Theory*. 1977, vol. 5, no. 3, pp. 331–348.
- Gutorov V. A. *K voprosu o proiskhozhdenii gosudarstva: paradoksy i anomalii sovremennykh interpretatsii* [To the Question of the Origin of State: Paradoxes and Anomalies of Modern Interpretations]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia* [POLIS. Political Studies Journal]. 2014, no. 3, pp. 91–110. (In Russian)
- Harhordin O. V. *Istoriia poniatii kak metod istorii praktik* [History of Concepts as Method of Practices History]. *Evoliutsiia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury* [The evolution of concepts in the light of the history of Russian culture]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2012, pp. 7–23. (In Russian)
- Harhordin O. V. *Osnovnye poniatia rossiiskoi politiki* [Basic Concepts of Russian Politics]. Moscow, New literary review Publ., 2011. 328 p. (In Russian)

Ilyin M. V. Semiotika kak osnova izucheniia iazyka politiki i razvitiia diskurs-analiza [Semiotics as a Basis for the Study of Language Policy and Development of Discourse Analysis]. *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]*. 2015, no. 1–2, pp. 43–47. (In Russian)

Ilyin M. V. *Slova i smysly. Opyt opisaniia kluchevykh politicheskikh poniatii [Words and Meanings. Attempt in the Describing of Key Political Concepts]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 432 p. (In Russian)

Ilyin M. V., Fomin I. V. I smysl, i mera. Semiotika v prostranstve sovremennoi nauki [Meaning and Measure. Semiotics in the Space of Modern Science]. *Politicheskaya nauka [Political Science]*. 2016, no. 3, pp. 30–46. (In Russian)

Koselleck R. Sotsial'naia istoriia i istoriia ponyatii [Social History and History of Concepts]. *Istoricheskie ponyatiia i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka [Historical Concepts and Political Ideas in Russia, XVI–XX century]*. St. Petersburg, Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge; Aleteiya Publ., 2006, pp. 33–53. (In Russian)

Koselleck R. Vvedenie (Einleitung) [Introduction (Einleitung)]. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii: izbrannye stat'i v 2-kh t. [Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles in 2 vols]*. Moscow, New literary review Publ., 2014, pp. 23–44. (In Russian)

Language and Politics. Ed. by N. Chomsky, C. Otero. Edinburgh; Oakland; Baltimore, AK Press, 2004. 850 p.

Lasswell G. Iazyk vlasti [Language of Power]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*. 2006, vol. 20, pp. 264–279. (In Russian)

Ledyayev V. G. Kontseptual'nyi metod izucheniia politiki [Conceptual approach to policy research]. *Mirovaia kul'tura v russkom tezauruse. I Akademicheskie chteniia pamiati V. A. Lukova: sb. nauchn. trudov [World Culture in the Russian Thesaurus. I Academic Readings in Memory of V. A. Lukov: Collection of Proceedings]*. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2015, pp. 267–271. (In Russian)

Ledyayev V. G. *Vlast': kontseptual'nyi analiz [Power: A Conceptual Analysis]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 384 p. (In Russian)

Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo iazyka [Conceptosphere of the Russian Language]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya [From the Theory of Literature to the Structure of the Text: anthology]*. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 280–287. (In Russian)

MacIntyre A. The Essential Contestability of Some Social Concepts. *Ethics*. 1973, vol. 84, no. 1, pp. 1–9.

Makarenko V. P. Diskussionnye problemy politicheskoi kontseptologii [Controversial Issues of Political Conceptology]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research]*. 2013, no. 1, pp. 6–21. (In Russian)

Makarenko V. P. Politicheskaya kontseptologiya: pervye itogi razrabotki [Political Conceptology as a Trend of Contemporary Political Sciences]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEKS]*. 2007, vol. 3, no. 4, pp. 5–44. (In Russian)

Malinova O. Yu. *Konstruirovaniye smyslov. Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii [Construction of Meanings. Study of Symbolic Politics in Modern Russia]*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN (INION RAN) Publ., 2013. 421 p. (In Russian)

Meaning and Context. Quentin Skinner and his critics. Ed. by J. Tully. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1988. 353 p.

Neretina S. S. Kontsept [Concept]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. T. 2 [New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vols., vol. 2]*. Moscow, Mysl' Publ., 2001, pp. 306–307. (In Russian)

Neretina S. S., Ogurtsov A. P. *Kontsepty politicheskoi kul'tury [Concepts of Political Culture]*. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2011. 279 p. (In Russian)

Perevezentsev S. V. Izobretenie istorii [The Invention of History]. *Rossiya v global'noi politike [Russia in Global Affairs]*. 2017, no. 3, pp. 207–221. (In Russian)

Pimenova M.V. Politicheskaja kontseptual'naia sistema [Political Conceptual System]. *Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]*. 2010, no. 2, pp. 47–55. (In Russian)

Pimenova M.V., Kondratieva O.N. *Kontseptual'nye issledovaniia. Vvedenie [Conceptual Studies. Introduction]*. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011. 176 p. (In Russian)

Pocock J.G.A. Kventin Skinner: istoriia politiki i politika istorii [Quentin Skinner: the History of Politics and the Politics of History]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*. 2015, no. 4, pp. 75–92. (In Russian)

Pocock J.G.A. *Political Thought and History: Essays on Theory and Method*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 298 p.

Political Science, Politische Wissenschaft and Politologija in Comparative Perspective. Ed. by J. Wiśniewski. Poznań; Moscow, Publishing House of the Faculty of Political Science and Journalism at Adam Mickiewicz University; Publishing House of Moscow University, 2018. 170 p.

Prikhodko A.N. *Kontsepty i kontseptosistemy [Concepts and Concept Systems]*. Dnepropetrovsk, Belaya E.A. Publ., 2013. 307 p. (In Russian)

Richter M. *The History of Political and Social Concepts: a Critical Introduction*. New York; Oxford, Oxford University Press, 1995. 204 p.

Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Science and History: A Critique of Positivist Epistemology (Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft)]*. Moscow, Publishing House Respublika, 1998. 413 p. (In Russian)

Ricoeur P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike [The Conflict of Interpretations. An Essay on Hermeneutics]*. Moscow, Akademicheskij Projekt Publ., 2008. 695 p. (In Russian)

SCHOLA-2017: Politicheskaja tekstologija i istoriia idei [SCHOLA-2017: Political Textology and History of Ideas]. Eds A.Yu. Shutov, A.A. Shirinyants. Moscow, Publishing House of Moscow University, 2017. 560 p. (In Russian)

Sheygal Ye.I. *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]*. Moscow, Gnosis Publ., 2004. 326 p. (In Russian)

Shirinyants A.A. Politicheskaja tekstologija na kafedre istorii sotsial'no-politicheskikh uchenii [Political Textology at the Department of History of Socio-political Doctrines]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science]*. 2016, no. 4, pp. 92–96. (In Russian)

Skinner Q. *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli: v 2 t. [The Foundations of Modern Political Thought: in 2 vols]*. Moscow, Delo Publ., 2018. Vol. 1. *Epokha Renessansa [The Renaissance]*. 464 p.; Vol. 2. *Epokha Reformatsii [The Age Reformation]*. 568 p. (In Russian)

Skinner Q. Iazyk i politicheskie izmeneniia [Language and Political Change]. *Logos [The Logos Journal]*. 2005, no. 3, pp. 143–152. (In Russian)

Solovjov A. I., Pugachev V. P. *Vvedenie v politologiju: uchebnik dlja studentov vuzov [Introduction to Political Science: Handbook for University Students]*. Moscow, Aspekt-Press, 2005. 477 p. (In Russian)

Stepanov Yu. S. *Kontsepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii [Concepts. Thin Pellicle of Civilization]*. Moscow, Iazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007. 248 p. (In Russian)

Received: October 9, 2018

Accepted: November 1, 2018

For citation: Boytsova O.Yu. Language concept as a heuristic tool: on the research potential of concept-centred approach in political cognition. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 346–360. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.301>